

ПАТРИОТЫ, ЖЕЛАЮЩИЕ РАСПРОСТРАНЯТЬ «ДЕНЬ»,

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ: МОСКВА—200-23-67, С.-ПЕТЕРБУРГ—272-40-07, КИЕВ—290-78-05, РИГА—37-08-93, ТАЛЛИНН—42-17-57, НОВОСИБИРСК—21-40-75, БРЯНСК—57-11-43, ПЕРМЬ—27-47-07, ВЛАДИВОСТОК—25-63-40, ТЮМЕНЬ—24-18-81, МУРМАНСК—7-24-24, САМАРА—34-66-59, НЬЮ-ЙОРК—(713) 359-79-05, СИМФЕРОПОЛЬ—23-22-76, ОМСК—33-15-31, НОВЫЙ ОСКОЛ—4-50-48, КАЛУГА—3-86-21, ДУШАНБЕ—36-97-10, ЕКАТЕРИНБУРГ—55-69-48, ВОРОНЕЖ—45-83-92

САЛОН

— Как же так, подумал я сразу, узнав об этой истории. Вначале детей выгонят из прекрасного дома на улицу, сделают из них беспризорников, а потом, выходя, начнут вылавливать, как преступников, омонотцами, которые там же будут обучаться? Это что — государственное? Нельзя найти другое место? В конечном счете подобные распоряжения обращаются в совершеннейший вред.

До сих пор вижу Москву, всю Серпуховку конца 20-х годов, черных, в ломотях, мальчишек, вылезавших по утрам из котлов для асфальта, где они спали ночью. Каждый день ходил я мимо них в школу... Так что же — мы опять этого хотим?

Или у нас, в Петербурге. В специально спроектированном и построенном в 1939 году двухэтажном домике на сто детей, где до последнего времени находился детдом, Главное управление по образованию вдруг предложило сделать кухню. Вроде под флагом детей, якобы опять для детей. На самом же деле этот совсем не приспособлен для этой затеи. Значит, что-то там задумано другое. А что другое, можно догадываться. Пришлось вмешаться и приостановить. Разумные-то люди должны думать о будущем, воспитывать детей, дорожащих своим Отечеством, государством, а не отбирать у них очаги культуры, знаний, чтобы они дичали.

— Михаил Константинович, сейчас мы переживаем время сродни послеоктябрьской обстановке 20-х годов: разруха, нищета, разгул антикультуры. Снова, как и тогда, крушат памятники, только уже поставленные советской эпохой. Заявленная «перестройка» давно стала символом разрушения. Какое вам сегодня, по духу и призванию созидатель?

— Ну вот стоит на Каменноостровском проспекте бюст Ленина, выполненный когда-то моими коллегами и друзьями. Проезжаю как-то мимо, а он облит белой краской. В Молдавии снесли вниз головой памятник величайшему Пушкину работы Олега Комова. Ну как, как можно к этому относиться?

Нельзя повторять ошибок прошлого. Известно, и я думаю, это правда, как Зиновьев вынес постановление Совета о снятии ангела с Александровской колонны, а вместо него поставить туда фигуру Ленина. Разве не кошмар? Слава Богу, дело было приостановлено. А Московские ворота уничтожили. Кто же? Не мы с вами лихоеды. Не Иванов, Петров, Сидоров. Были конкретные лица. И их нужно называть по фамилиям. Кто? Жданов, который, кстати, учил Шостаковича, как музыку сочинять. Кто? Зиновьев... Всю «просвещенные» люди. А когда разбирали Московские ворота, почему-то не вспомнили великого архитектора Стасова. Трамваем, видите ли, нужно было равно ходить. Трамвай-то мог и обойти! Так что же это: невежество или совсем другое — уничтожение нашей культуры, нашей памяти? Искусство есть память народная, как мой друг, большой художник Евсей Евсеевич Моисеенко говорил.

— На вашем столе фотография Высоцкого, а рядом кто?

— Не удивляйтесь, это Миша Шемякин. Вот еще их общая фотография с подписью «Дорогому маэстро Аникушину». Знаете, какая была любимая песня у Владимира Высоцкого? Военная, «Вставай, страна огромная...». А Шемякин, поздравляя меня из Америки к 75-летию, пел в телефонную трубку революционные песни. И как-то написал мне: «Защитите памятники, которые рушат». А привлекает он меня тем, что, выходя, живя вдалеке, резче, яснее многих из нас чувствует наше шествие антикультуры.

— Каждая эпоха оставляет после себя те или иные памятники истории, в том числе и эпоха социализма. Это были революционеры, стачковцы, космонавты, заметные люди советского времени. И с этим нельзя не считаться, как со своей историей. А нас опять заставляют от нее оторваться.

— Мы постоянно носим: вот раньше было только плохо. Не все, конечно. Есть огромное количество умов, убежденных в том, что «Россия вспрыгнет ото сна». Человек по природе своей склонен более к осуждению, чем к похвале». — говорил Макиавелли, сей знаток природы человеческой. А вот Пушкин: «Нет истины в поношении и нет истины, где нет любви».

Художник волю или неволю, но выражает свое время через образы, которые создает. Менее всего он должен заботиться о самовыражении. Художнику необходимо быть правдивым и очень честным по отношению к явлению, привлекающему его художественное внимание. При таком условии он будет и современен, и выразит это явление наиболее полно.

В последние время у нас часто стали уходить в изображение религиозных мотивов,

а сами зачастую в Бога-то не верят. Ведь вера — не крещение, не битие себя тремя пальцами по лбу и плечам. Она — внутри себя. Трудно даже объяснить словами, что это такое — комок к горлу подступает... Человек без веры жить не может. И если он идет в храм, должен прежде всего сам переродиться. А то ис-

но, вынесли из детства классический опекушинский образ. Тогда еще памятник стоял у стен Страстного монастыря. Теперь он в сквере на фоне кинотеатра «Россия» с рекламой эротических фильмов, и дух его осквернен сборщиками торгашей и всякого праздного сброда. А тут с месяц назад просто сердце защемило: столбы с гирляндами вокруг памятника выворочены, пьедестал не огражден, и никому никакого дела...

духовные экспонаты. Но если прийти на Волконку и спросить у смотрительницы: «Скажите, пожалуйста, где тут Пушкин?» — она долго будет рассказывать, что его здесь никогда не было и быть не может.

Цветаев строил это здание как дворец-музей, где предусматривались специальные залы. В античном зале, наверху, были поставлены статуи гипсовой отливки — это все равно что оригиналы парфеноновых статуй. «Ага, они не настоящие, гипсовые — их можно и долить вниз», — видно, рассудили руководители музея и использовали зал для других целей. Как же так? Зачем ломать то, что задумано в гармонии? Ведь такого собрания больше нигде в мире нет! Скажите, разве мог я поехать мальчишкой в Италию, чтобы посмотреть Донателло? Для меня это была академия искусств, моя школа, как Третьяковская галерея, как Дом пионеров на Полянке.

Но мы отвлеклись от Пушкина. Между тем приближается его 200-летие. А Всеобщий музей Пушкина с драгоценными подлинными экспонатами находится в ящиках.

— Вы имеете в виду музей в вашем городе?

— Последнее его пристанище — Царское село, город Пушкин, флигель Екатерининского дворца. Возможно, там ему не место, хотя и напротив пушкинских лицей. Но сразу после войны нашлись и время, и деньги разместить эту уникальную экспозицию в Александровском дворце. Потом кому-то это не понравилось, во дворец поселили военных моряков, а музей переехал в упомянутый флигель, где через несколько лет его закрыли.

И ныне схоронены от глаз людских и замечательный портрет работы Линева, так нравившийся самому поэту, и знаменитая картина Чернецова «Парад на Царицыном лугу 6 октября 1831 г.», где изображены Крылов, Пушкин, Василий Андреевич Жуковский... и многие-многие подлинники — живые свидетельства жизни нашего гения. Кому-то пришло недавно в голову: не поместить ли музей на Мойке, 12? Но там же мемориальная квартира, там должна быть тишина! Или еще одно предложение — давайте возьмем другой дом на Мойке, где жил Гавриил Романович Державин. Но Державин, сам величайший поэт нашей России, учитель Пушкина, который его «в пробах сходил, благословил», разве не нуждается давно в своем музее? А нам лишь бы обойтись как полегче. Дмитрий Сергеевич Лихачев пришел в отчаяние: любой дворец, лишь бы открыл музей. Ну и как тут не прийти в отчаяние!

В Москве уже сколько лет не принимает к себе Третьяковку, а Петербург не принимает духа Пушкина. Мне говорят: «Время такое тяжелое, Михаил Константинович, денег нет на воссоздание музея». А я отвечаю: «Пушкин сам зарабатывает. Издайте — продайте! Не берите себе доход, а отдайте музею». Так не печатают! Я тут как-то прочитал в одной газете, что за этот год вообще ничего пушкинского не издано! А ведь Пушкин на все общечеловеческие вопросы ответил так общело и так точно, как никто другой. Очень нужно читать и перечитывать Пушкина, потому что это история нашей духовности, история славы Отечества.

— Зато в избыли всякая пошлятина, дурновкусие, бесовщина, отчего одичать, как вы выражаетесь, не мудрено.

— Да, и книги такие, и телевидение, и радио... Сплошная тарабарщина! Искусство же — целомудренная вещь.

— Вы, наверное, заметили: у нас по городу всюду расставлены ларьки: рекламируют «Мальборо» — «братские» сигареты. Я не курю. Может быть, для того, кто курит, они и сверххорошие. Но я всегда считал, что табачище — вред человеческий. Кстати, там, у себя, их никто не пропагандирует. У нас же в переходах, на станциях метро пробивают шпунтами драгоценные мрамор и гранит и всюду вешают металлическую раму с кобальтом, закуривающим «Мальборо». И даже на «Черной речке» умудрились повесить. Пушкинская, мемориальная станция. Там грусть невыразимая, скорбь за величайшего — а тут сигаретный этот идол. Где наша нравственность, где наша боль? Да и я ведь живой, автор-то. — там Пушкин мой бронзовый стоит перед дуэлью. Почему меня никто не спросил?

Спустились с Дворцового моста, поверните направо к памятнику Петра — тут, у стода к воде, два традиционных наших льва, о которых опять же Пушкин писал. Между ними — «мальборговский» ларек. Так и хочется его в воду сбросить, и пусть себе плывет, откуда прибыл. Кто насаждает эти ларьки? Что — за них деньги платят большие? Проживем без этих денег! Мы якобы берегаем красоту нашего го-

рода, есть даже комитет по спасению, а на деле происходит обратное.

— Михаил Константинович, немногих при жизни называют великими. И все же — великая Уланова, великий Свиридов, великий Козловский, великий Аникушин...

— Знаете, я отвечу вам словами Черкасова. Было это давно. Едем мы в поезде: Николай Константинович Черкасов, Евсей Евсеевич Моисеенко и я. Мы сидим в купе и разговариваем: «Николай Константинович, какой вы великий артист, художник перевоплощения. Как вам удалось создать образ Алексея в фильме «Петр I»? Ведь вы там не Черкасов, а живой Алексей. А Полежаев: совсем молодым вы играете старика. И — поразительно! Всюду вы не Черкасов, а тот, другой образ, которым живете на сцене или в кино».

И вот он слушал-слушал откровение наше по поводу великого его творчества и вдруг сказал: «Какой я великий, ребята? Мне ролей не дают!» И я могу повторить то же самое. Какой же я великий? Конкурс на лучший проект памятника Чайковскому в нашем городе выиграл? Выиграл. Где памятник? Нет. На Поклонной горе — выиграл? Выиграл. А потом услышал в ответ от руководителя стройки относительно своего проекта — женщины с ребенком, символизирующей мир: «Пока я здесь руковожу, эта мать-одиночка не встанет на это место!» Вот так.

— Да... Интересно, а где же деньги, которые собирались в фонд памятника Чайковскому? Сколько перечислялось их, и в том числе в валюту, сколько было благотворительных вечеров... Приезжал Клиберн с солидным концертом, выступал Михаил Плетнев, лауреаты международного конкурса, десятилетия носящего имя композитора, со всего мира. Неплывало, выходило, а год его 150-летия в телеэфире раздавались голоса о том, что в стране экономический кризис и «Чайковский пока обойдется без памятника».

— Собирали деньги... Собирали! Ну а теперь памятники вроде стали не нужны. Однажды был у меня разговор с одним лицом по поводу Антона Павловича Чехова. Говорю: «Я столько лет работаю над Чеховым, изучаю его...» На что слышу: «А зачем нам сейчас Чехов?» Не буду называть того, кто мне это сказал. Но ответ дословен.

В 1988 году мы с моей женой Марией Тимофеевной получили премии за проекты памятника Петру Ильичу Чайковскому в Ленинграде: она — третью, я — первую. Проходят годы. Помалкивают. Проходят еще. И — пошла писать губерния...

Как я обрадовался, когда у нас был объявлен этот конкурс! Ведь история изучения образа Чайковского в моем творчестве началась еще в конце 30-х годов, так что это было для меня вовсе не дело случая... «Если я могу содействовать распространению русской музыки, не прямой ли долг мой — бросить все и спешить туда, где я могу быть полезен для своего искусства, для своей страны?» Петр Чайковский. Какие люди были! Такими надо быть и нам.

Если разобратся, памятник для страны — очень маленькая толика денег. Но это слава страны, ее честь. Поэтому настоящих художников — я имею в виду в широком понимании: артистов, писателей, музыкантов — надо более всего уважать. Они никогда не приносили дохода государству и приносить не могут. Но они приумножают славу Отечества, а это нематериальный капитал.

Конечно, инициатива создания любых памятников исходит в первую очередь от народа: значит, появилась духовная потребность, а потом она должна быть подхвачена, как пылочки говорить раньше, руководством. В конце концов у нас есть и Верховный Совет, и министерство культуры. Разве это не руководство?

В политике сегодня — одно, завтра — другое. А культура-то должна продолжать свое наращение. Исконная культура, русская, православная, если мы живем в России. Это понимать надо. Ведь что такое памятник? Это память. И поклоняемся мы памяти.

Смотрите, вот моя скульптурная группа защитников Ленинграда — она у нас в городе всегда в цветах, даже сейчас, в такое-то время, когда десяток яиц в Питере больше сотни стоит. Но туда приходят. Приходят молодежь, дети, взрослые, старики. Особенно многолюдно там 9 мая и 27 января — в день прорыва блокады. И никто никого не просит, никто никого не заставляет. Конечно, поставить на этом месте стометровую «орясину» — кто подойдет к ней, кто принесет цветы?..

**Беседу вел
Татьяна МАРШКОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ**

На снимке: Михаил Константинович Аникушин в своей мастерской.

Михаил АНИКУШИН:

«НЕТ ИСТИНЫ,
ГДЕ НЕТ ЛЮБВИ»

День. — 1992. — 27 — 31 Дек. — с. 8

Без малого четыре десятилетия стоит перед Русским музеем Ленинграда-Петербурга живой и неповторимый Пушкин — творение скульптора М. К. Аникушина. Но кажется, он вечен. Как Медный всадник на Сенатской, как тоже воспетый поэтом Александровский столл Дворцовой площади... Как еще многие духовные символы нашего Отечества, рожденные разными историческими эпохами. Верно, я том и есть смысл бытия на земле ваятеля-художника — продолжить жизнь в памяти поколений, не нарушив бытия веков.

Уланова, Свиридов, Черкасов, Бектерев... Защитники блокадного Ленинграда. И Пушкин, Пушкин, Пушкин — разный и единственный, «исполнен внутреннего света». Чайковский. В работе — Чехов для Москвы. «Сколько богов, и богинь, и героев!» Здесь, в мастерской у Вяземского сада, в округе Черной речки — трагической отмети пушкинской судьбы, естественно приходит озарение.

Условившись о встрече, Аникушин одну из тем в тревоге забал сам: «Узнайте, что там с домом на Полянке, 45. Прочел заметку в «Правде» «Детей на улице?». Написал письмо. Я же москвич. Ходил туда мальчишкой в Дом пионеров. По мраморной лестнице, направо — в студию лепки, к дорожному учителю Григорию Андреевичу Козлову. Это место было как бы Меккой для нас, детей. И мы летели к его дверям, как по ветру... А теперь закрываются детские дома, ясли, сады, музыкальные школы. И это вместо заботы о детях?»

Для справки по конкретному поводу. На этот раз вроде бы «выиграли» дети. Прежнее решение о передаче бывшего дома купца Свещикова, а потом детского приюта, Дома пионеров и, наконец, Центра досуга и творчества детей Федерации молодежных правоохранительных организаций, к счастью, отменено. Но тяжба продолжается. И трудно уже разобраться между кем и кем. Во всяком случае претенденты с ордером в руках подали иск в арбитражный суд.

Понятно, такое известие М. К. Аникушина успокоить не могло.

поведутся и тут же грешат. И опять, и опять.

Вот спрашивают: выдуман ли Христос? Человеческая интуиция беспредельна. Но выдумать то, чего никогда не было в природе, невозможно. И человек, художник, в частности, не имеет права прикасаться к любому явлению, если не верит, если не убежден. Я так понимаю.

Вначале, когда я водил вас по мастерской, вы задали вопрос: мол, я был знаком, встречался с тем-то и с тем-то — не буду называть громких имен, не побудило ли это меня создать тот или иной образ, не вдохновило ли. Значит, нет, не побудило, не вдохновило. А вот к Георгию Васильевичу Свиридову я тянусь и музыку его напеваю. И Пушкина тоже не сделать не мог.

— Михаил Константинович, Пушкин прошел через всю вашу творческую жизнь. Вы родились в Москве и, конеч-

— Москва-Москва! Что хочет, то и делает... Мы теряем русскую духовность, складывавшуюся веками, забываем, что мы наследники величайшей культуры. С тех пор, как был открыт памятник, созданный Александром Михайловичем Опекушиным, прошло больше века. Но время над ним не властно: он и теперь ошеломляет. Раньше, на прежнем месте, он стоял против света, на фоне неба... К юбилею Пушкина, в 1949-м, памятник перенесли, «красивая» гранитный пьедестал. Да, пушкинскими словами: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Но у Опекушина-то этого не было! Он-то не делал иллюстрации к стихам.

Тогда же, к 150-летию, поменяли название Музея изящных искусств. С тех пор он стал Музеем изобразительных искусств имени Пушкина. Но почему Пушкина? Понятно, на Пречистенке, где собраны священные с жизнью поэта исторические и